

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Дмитрий КОВАЛЬ,

аспирант кафедры международного права и международных отношений
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

In the article the problem of implementation of obligations under the Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict of 1954 and additional Protocol II concerning the criminalization of attacks on cultural property into national law is examined. The main models of the implementation to the criminal legislation of states (representatives of different legal system) are reviewed. The examples of successful (desirable) and unsuccessful (requiring correction) implementation are described in this paper.

Key words: international criminal responsibility, implementation, cultural property, protection of cultural property, The Hague Convention 1954.

Аннотация

В статье раскрывается проблема имплементации обязательств по Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года и Протокола II к ней по криминализации посягательств на культурные ценности в национальное законодательство. Рассмотрены основные модели учета требований вышеназванных документов в законодательстве стран, представителей разных правовых семей. Приведены примеры удачной (желанной) и неудачной (требующей коррекции) имплементации.

Ключевые слова: международная уголовная ответственность, имплементация, культурные ценности, защита культурных ценностей, Гагская конвенция 1954 года.

Постановка проблемы. Актуальность темы исследования. Индивидуальная уголовная ответственность служит повышению эффективности защиты культурных ценностей, является важным элементом, повышающим прочность и совершенство системы международно-правовой защиты ценностей культуры. Несмотря на то, что универсальные нормы, обязывающие государства устанавливать уголовную ответственность за посягательства на культурные ценности появились еще в Гагских конвенциях 1899 и 1907 годов, и были реинкарнированы в Гагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года, их четкая формулировка нашла свое воплощение лишь во втором Протоколе к Гагской конвенции 1999 года. Учитывая относительно небольшое количество ратификаций второго протокола, отсутствие унифицированного академического понимания необходимости национальной криминализации нарушений международно-правовых норм по защите культурных ценностей, а также, практики в этом вопросе, представляется актуальным исследование имплементации обязательств по криминализации деяний, связанных с нарушением целостности культурных объектов.

Состояние исследования. Отдельные аспекты, рассмотренные в работе, исследовались российскими учеными А.Х. Абашидзе и А.А. Ахметзяновым. Более подробно, исследуемый в работе вопрос отражался в работах австралийских ученых Р. О'Кифи и А. Ф. Врдоляк. Отмечаем недостаточно широкое обращение к теме имплементации обязательств по криминализации посягательств на культурные ценности в науке международного права.

Цель статьи. В работе поставлена цель исследовать практику имплементации упомянутых выше обязательств, а также указать на общие тенденции и возможные пути повышения эффективности такого механизма защиты культурных ценностей, как индивидуальная уголовная ответственность.

Методы исследования были выбраны исходя из сформулированной цели. Так, первоочередное место в исследовании занимает компаративистский метод. Кроме него использован доктриналогический метод, метод анализа и синтеза. Историческая ретроспектива отдельных национальных регулирований показана с использованием метода историзма.

Изложение основного материала. Переходя непосредственно к вопросу отражения идеи уголовной ответственности за разрушение культурных ценностей в национальных законода-

тельствах, хотелось бы остановиться на сложностях с ратификацией международного договора в связи с присутствием в них обязательств по криминализации его нарушений. Профессор Г. Драпер указывает на то, что требования по криминализации серьезных нарушений «гуманитарных» конвенций затягивают процесс ратификации договоров государствами. Так, например, из-за требования к государствам-членам криминализировать серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года, процесс ратификации Великобританией данного договора растянулся на 8 лет с дня его подписания. [1] Российский ученый А.Х. Абашидзе, утверждает, что ратификация II Протокола к Гагской конвенции 1954 года не влечет за собой каких-то сложных юридических обязательств. [2] Ученый подчеркивает, что сомнительные для государств позиции Договора возможно регулировать с помощью оговорок. Отметим, что такие оговорки не могут касаться ключевых вопросов Протокола (среди которых, несомненно, и обязательства по криминализации посягательств на культурные объекты).

Требование криминализации нарушений Протокола II порождает не столько концептуальные, сколько технические проблемы для некоторых стран. Уровень их сложности зависит от метода, который использовался в

уголовном законе той или иной страны при имплементации положений других гуманитарных конвенций. Как указывает Г. Верле, имплементация возможна по четырем основным моделям: 1) полная инкорпорация (непосредственное применение, отправка и копирование) 2) воздержание от инкорпорации - применение обычного международного права, 3) инкорпорация с изменениями, 4) комбинированный способ [3]. При выборе первой модели имплементации, ратификация конвенции действительно создает для государства необходимость изменения уголовного закона, в то время как две другие модели (кроме комбинированного способа) такой необходимости не предусматривают.

Непосредственное применение международного обычного права возможно в том случае, когда преступность деяния в стране устанавливается не только писаным, но и обычным правом. Примером такой модели может служить Южная Африка, все серьезные преступления в которой являются преступлениями по обычному праву [3].

В некоторых странах, в национальное законодательство инкорпорированы отсылки к международным актам, которые устанавливают ответственность за международные преступления. Так, Акт о международных преступлениях и Международном уголовном суде, принятый парламентом Новой Зеландии в 2010 году, содержит ссылки на соответствующие статьи устава МУС при определении преступления геноцида, военных преступлений и преступления против человечности. [4] Подобным путем пошли и Аргентина, и Канада [3]. Заметим, что отсылка к уставу МУС является, бесспорно, положительным феноменом, но тем не менее, не обеспечивает максимальную эффективность уголовно-правового принуждения, ведь в Уставе используется откровенный подход гражданского назначения, который не делает акцента на особом значении культурной собственности для человечества.

Украинский уголовный кодекс 2001 года в диспозиции ст. 438 содержит такой состав преступления как разграбление национальных ценностей на оккупированной территории. Кроме того, в ст. 433 говорится о насилии над населением в районе военных действий, ко-

торое, среди прочего, может осуществляться в форме противозаконного уничтожения или лишения имущества. Такие формулировки норм, во-первых, не покрывают всех возможных вариантов посягательств на культурные ценности, а, во-вторых, не идеальны с точки зрения используемой юридической техники. Преступление геноцида в ст. 442 определено путем копирования из Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, таким образом, диспозиция статьи исключает возможность привлечения к ответственности за культурный геноцид [5]. В. Ярмаки, критикуя положения украинского уголовного кодекса, говорит о том, что закреплению в нем положения не соответствуют широкому пониманию МГП, характерном для современного мира [6]. Это может приводить к проблемам с исполнением и квалификацией преступлений. 11 сентября 2004 Министерством обороны Украины было разработано и утверждено Руководство по применению норм МГП в Вооруженных Силах Украины [7]. Это руководство очень далеко от идеала. Стоит отметить хотя бы то, что культурные ценности определяются в нем исключительно через духовную ценность, к серьезным нарушениям МГП отнесены только нападение на культурные ценности и т. д. Хотя Руководство не является основанием для привлечения к индивидуальной уголовной ответственности, оно является реальным индикатором по имплементации соответствующих норм в украинское законодательство.

Ст. 356 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года аналогично украинской ст. 438 закрепляет военное преступление против культурных ценностей. Как указывает А.Х. Ахметзянов, более подробный список деликтов против культурных ценностей содержится в Руководстве по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил РФ [2]. ПП. 14 и 85 документа посвящены вопросам преступлений против ценностей культуры. В целом нормы Руководства соответствуют установленным международно-правовым стандартам криминализации противоправных деяний против культурных ценностей. Так, в них прослеживается разделение ответственности за преступления различной степени тя-

жести (в зависимости от режима охраны культурных ценностей), говорится об ответственности командиров и непосредственных исполнителей, достаточно четко описана как объективная, так и субъективная сторона правонарушения. Однако сама по себе Руководство не может рассматриваться нормативно-правовым актом, устанавливающим уголовную ответственность. А потому внедрение его положений в Уголовный кодекс является желательным и целесообразным. Необходимым условием такой инкорпорации является улучшение юридического языка, используемого в Руководстве.

Испанский уголовный кодекс 1995 содержит четкую и качественную норму об ответственности лиц, которые «совершают нападение или управляют нападением на культурные ценности, причиняет им значительный ущерб, если такие ценности не расположены в непосредственной близости от военных целей или не используются противником для ведения боевых действий». В дополнение к этому Испанский военный уголовный кодекс предусматривает ответственность за разрушение культурного или исторического наследия, или любой акт грабежа, вандализма или захвата ценностей, находящихся на территории, оккупированной вооруженными силами. Суровость наказания зависит от режима охраны культурных ценностей [2].

Модернизированный в 1997 году Польский уголовный Кодекс содержит статью, предусматривающую простой и квалифицированный состав преступления за посягательство на культурные ценности. Оба состава касающиеся времени оккупации, занятие территории, или вооруженного конфликта. Квалифицирующим признаком выступает ценность культурного объекта, на который осуществлено посягательство. Для посягательства на объекты культурного наследия высокой ценности, Кодексом предусматривается лишь нижняя граница наказания в размере трех лет лишения свободы [8], что позволяет сделать вывод о понимании Польшей серьезности задачи сохранения культурных ценностей. Интересно сопоставление наказаний современного нам Кодекса и первого правового акта на территории Польши, в котором говорилось об ответственности за де-

ликты против культурных ценностей. Так, в ст. 34 Декрета об опеке над ценностями искусства и культуры 1918 года, говорилось об аресте на срок до 3-х месяцев [9].

Уголовный кодекс Республики Албания (наряду с Румынским УК) содержит самое значительное количество статей о преступлениях против культурных ценностей среди европейских уголовных законов. Статья 7 устанавливает универсальную юрисдикцию в отношении преступления незаконного оборота объектов исторической, культурной или археологической ценности. Статьями 138, 138а, 147 и 160 покрываются такие составы преступления как хищение, незаконный оборот, разрушение, контрабанда и мошенничество. Однако, единственная статья кодекса, которая касается военных преступлений, в их числе, выделяет только разрушение частной и публичной собственности, [собственности] городов, коммун и сел. [10]

Уголовный кодекс Республики Румыния 2004 года в ст. 262 предусматривает ответственность за разрушение и апроприация культурных ценностей. Диспозиция статьи интересна тем, что в ней вместо привычной конструкции «культурные ценности» (культурная собственность, культурные объекты) используется широкий перечень форм таких ценностей. В Кодексе предусмотрена строгая ответственность за разрушение или апроприация культурной собственности в виде лишения свободы на срок от 15 до 25 лет. [11] Отсылка к народам, как владельцев культурных ценностей может трактоваться как признание универсальной юрисдикции в отношении этого преступления.

Кодекс Сербии, несмотря на количество разрушенных во время войн 90-х годов XX века культурных ценностей, не содержит вообще статей об ответственности за разрушение гражданской собственности во время вооруженного конфликта. Ст. 212-1 Французского уголовного Кодекса преступлений против человечности закрепляет такой состав преступления как преследования группы по культурному признаку. Что касается военных преступлений, то ответственность, согласно ст. 461-14, наступает за разрушение собственности. Однако отдельным

пунктом культурная составляющая собственности не выделяется.

Копирование, как метод имплементации положений международных договоров об установлении уголовной ответственности за повреждение культурных ценностей использовала Мальта, которая отразила положение устава МУС в своем уголовном законодательстве [3]. Признание Мальтой необходимости наказывать за разрушение культурных ценностей является манифестацией обычной природы обязательств защиты культурных ценностей во время вооруженного конфликта, ведь Мальта не является участницей Гаагской конвенции в 1954 году, не говоря уже о Протоколах к ней.

Особой формой имплементации обязательств по криминализации военных преступлений является принятие кодексов преступлений против международного права. На сегодня такие кодексы приняты Бельгией и Германией. В них разрушения, хищения и повреждения культурных ценностей признается как преступлением против человечности, так и военным преступлением. Секция 9 и 11 немецкого Кодекса касаются военных преступлений против собственности и запрещенных средств ведения войны. В перечень объектов уголовно-правовой охраны включены и культурные ценности [12]. Такой вид имплементации эффективно и действенно способствует реализации глобальных задач на национальном уровне. Хотя Кодексы и не содержат ссылок или копирований из Конвенции 1954 или Протоколов, все же они способствуют выполнению заложенных в вышеуказанные документы идеи.

Выводы. Подытоживая изложенный материал, хотелось бы остановиться на следующих принципиальных положениях:

1. Идея уголовного преследования лиц, виновных в повреждении культурных ценностей во время вооруженного конфликта встречается еще в трудах Э. де Ваттеля. Впоследствии она была развита в Брюссельской декларации и Гаагских конвенциях 1899 и 1907 годов.

2. В Конвенции 1954 года обязательство криминализировать серьезные нарушения договора на национальном уровне были сформулированы недостаточно четко, хотя и более

понятно и однозначно чем в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 годов. Тем не менее, во время подготовительной работы по созданию II Протокола к Конвенции, вопрос надлежащего урегулирования уголовной ответственности за разрушение, повреждение и хищение культурных ценностей был признан приоритетным. Протокол 1999 года значительное внимание уделяет упомянутому вопросу, на новом уровне регулируя обязанность государств привлекать виновных в антикультурных деликтах к ответственности.

3. Национальные уголовные законодательства государств ненадлежащим образом криминализуют преступления против культурных ценностей. Лучший из исследованных примеров урегулирования уголовной ответственности за преступления против ценностей культуры – уголовное законодательство Испании, где не только есть специальные статьи, устанавливающие ответственность за разрушение и хищения ценностей, но и тяжесть преступления определяется с учетом режима их охраны. После принятия Римского устава МУС, достаточно много стран изменили свое национальное законодательство, имплементировав в него положения Договора. Это – определенно положительное явление в контексте обеспечения уголовно-правовой защиты культурных ценностей.

4. Национальное уголовное законодательство демонстрирует восприятия культурных ценностей как вида гражданской собственности (гражданских объектов), но не как незаменимого культурного наследия всего человечества. В то время как международные документы по защите культурных ценностей уже достаточно давно использует риторику важности культурных ценностей для всего человечества и их невозпроизводимости, в уголовных законах большинства стран не отражен особый вес таких ценностей, их культурная и познавательная составляющие.

Список использованной литературы:

1. G. I. A. D. Draper. Wars of National Liberation and War Criminality // Restraints on war. Studies in the limitation

of armed conflict. Edited by M. Howard. – Oxford University press. – 1979. – P. 153.

2. Абашидзе А.Х. Индивидуальная уголовная ответственность в случае нарушения международно-правовых норм, касающихся защиты культурных ценностей // Юрист-международник. – М. : Современная экономика и право, 2006, № 1. – С. 26-33.

3. Верле Г. Принципы международного криминального права : підручник / Г. Верле. пер. З англ. С. В. Саяпіна. – О. : Фенікс; М. : ТрансЛит., 2011. – 910 с.

4. International Crimes and International Criminal Court Act 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://legislation.govt.nz/act/public/2000/0026/latest/DLM63091.html>.

5. Кримінальний кодекс України [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/page12>.

6. Ярмаки В. Определение понятия «международное гуманитарное право» и реализация международных обязательств на внутринациональном уровне // Український часопис міжнародного права. – № 2. – 2005. – С. 9.

7. М. Карпенко. До питання захисту культурних цінностей в законодавстві України // Український часопис міжнародного права. – № 2. – 2005. – С. 17.

8. Ustawa Sejmu RP z 6 czerwca 1997 r.

9. M. Bojarski, W. Radecki. Ochrona zabytków w polskim prawie karnym. Stan aktualny i propozycje de lege ferenda // Prawnikarna ochrona Dziedzictwa kulturowego. – Materiały z konferencji. – Gdańsk, 30 maja – 1 czerwcz. – 2005. – P. 14.

10. Criminal Code of the Republic of Albania (English version) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislationline.org/documents/id/8777>.

11. Criminal Code of the Republic of Romania (English version) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislationline.org/documents/id/8914>.

12. Act to Introduce the Code of Crimes against International Law of 26 June 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.icrc.org/ihl-nat.nsf/a24d1cf3344e99934125673e00508142/09889d9f415e031341256c770033e2d9>.

ПОНЯТИЕ СТРАХОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Татьяна КОЛЕСОВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового
и предпринимательского права
Белгородского университета кооперации, экономики и права

Summary

In the article the theoretical research is providing the application of the phenomenon of insurance. The analysis of established in legislation and literature views on its definition, as well as the necessity of further improvement of terminology of Russian legislation with regard to insurance.

Key words: insurance, insurance activities, business activities.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование такого явления, как страхование. Осуществляется анализ сложившихся в законодательстве и научной литературе подходов к его определению, а также обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования терминологического аппарата российского законодательства применительно к страхованию.

Ключевые слова: страхование, страховая деятельность, предпринимательская деятельность.

Постановка проблемы. В современных условиях российской действительности наблюдается значительный рост интереса населения и предпринимателей к страхованию. Оно рассматривается как средство защиты от возможных и непредвиденных событий, которые могут повлечь негативные последствия. Страхование признается важнейшим элементом экономики страны, в связи с чем требует особого внимания со стороны законодателя в плане обеспечения эффективной и адекватной нормативно-правовой базы.

Актуальность темы исследования. В настоящее время действующее российское законодательство не содержит такого легального определения страхования, которое бы отвечало потребностям современного уровня развития отношений в данной сфере экономики, отражало бы все необходимые существенные характеристики страхования, признавалось научным сообществом и правоприменителем.

Состояние исследования. Научный анализ вопроса о понятии и существенных характеристиках страхования нашел отражение в работах большого количества отечественных ученых. Среди них следует отметить фундаментальные труды таких авторов, как В.В. Шахов, В.И. Серебровский, Г.Ф. Шершеневич, А.Г. Гойхбарг, В.Р. Идельсон и др.

Целью и задачей статьи является всестороннее рассмотрение сложившихся подходов к пониманию страхования. Новизна работы состоит в комплексном подходе к анализу данного явления и формировании предложений по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации.

Изложение основного материала. Одним из наиболее сложных дискуссионных вопросов остается вопрос о природе, сущности и определении страхования. Вот уже более 150 лет экономисты и юристы всего мира пытаются разрешить эту проблему. Сложность состоит в формулировании определения, которое наиболее полно отразило сущность этого явления, охватило бы все возможные варианты страхования и при этом не включало бы ничего лишнего.

В ряде европейских языков термин «страхование» происходит от латинского корня «securus». Например, versicherung и assekuranz (по-немецки), assurance и insurance (по-английски), seguridad (по-испански) и др. Другие, например польский язык (ubezpieczenie), не используют этот корень. Однако в обоих случаях термин обозначает «обеспечение».

В русском языке слово «страхование» имеет различные значения. В переносном смысле страховать – значит предохранять от чего-нибудь неприятного, нежелательного [5, с. 9].